
НЕРАСКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Степанянц М. Т.**

Ход развития Исламской Республики Иран, последовавший за антишахской революцией 1978–1979 гг., требует внесения поправок к данным ранее оценкам идеологии хомейнизма. В статье обращено внимание на нераскрытые смыслы революции под углом зрения оценки причин и последствий архаизации общественных процессов. Иранские события рассматриваются в сопоставлении с политической архаизацией, наблюдаемой в Индии со времени прихода к власти в 2014 г. индуско-националистической «Бхаратия джаната парти» (Индийской народной партии).

Ключевые слова: глобализация, революция, культурная идентичность, развитие, архаизация, религия, политика, культура, национализм, реформаторство, модернизм.

The development of the Islamic Republic of Iran following the Iranian revolution of 1978–1979, requires amendments to earlier given estimates of Khomeini's ideology. The article focuses on the unrevealed meanings of that revolution from the perspective of the causes and consequences of political archaization. The Iranian events are discussed in relation to political situation observed in India since coming to power in 2014 of the Hindu-nationalist Bharatiya Janata Party (Indian people's Party).

Keywords: globalization, revolution, cultural identity, development, archaization, religion, politics, culture, nationalism, reformation, modernism.

Антишахская революция первоначально была воспринята мировой общественностью как поворот истории вспять, к средневековому укладу жизни во всех областях, включая социально-политическую, экономическую и морально-нравственную. Со временем эта резко отрицательная, даже паническая оценка иранских событий со стороны стала меняться.

Иранисты внесли ясность в понимание многих аспектов происшедших и продолжающих происходить политических процессов в Иране. Их оценки, безусловно, более аргументированны, основаны на реальности, на знании истории и современности, чем те, которые даются политологами общего профиля. И тем не менее осмелюсь обратить внимание на некоторые до сих пор нераскрытые смыслы. Речь идет, в частности, о причинах, значении и последствиях архаизации общественных процессов.

Первое, что считаю необходимым отметить: архаизация в той или иной степени проявлялась практически веками и повсюду, каждый раз, когда в обществе

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ № 15-03-00108: «От европоцентризма к межкультурной философии» (“From Eurocentrism to Intercultural Philosophy”).

** Степанянц Мариэтта Тиграновна – д. ф. н., профессор; г. н. с., зав. кафедрой ЮНЕСКО «Философия в диалоге культур» при Институте философии Российской академии наук. E-mail: marietta_35@mail.ru.

наблюдалось жесткое противостояние в связи с переломными периодами развития, требовавшими выбора пути выхода к будущему. Примечательно, что в наше время новый цикл архаизации был начат антишахской революцией в Иране. Запущенный процесс продолжает раскручиваться, причем уже не в локальном, а в глобальном масштабе – как в странах, которые принято называть Периферией, так и в государствах Центра, то есть в Европе и Америке. Это свидетельство того, что помимо внутривосточных причин есть **общезначимые**, каковым является кризис модели глобального порядка.

Кризис признается даже представителями элит ведущих западных стран. Свежий пример – статья «Перспективы глобализации и демократии» [Скидельски], автор которой – Роберт Скидельски, член палаты лордов парламента Великобритании, историк и экономист, почетный профессор Университета Уорик. Лорд-профессор признается, что всего 25 лет назад он был в числе тех, кто разделял взгляды Ф. Фукуямы о «конце истории» и движении к единой цивилизации: «Все страны теперь на одной столбовой дорожке для всего человечества, поскольку все остальные пути были испробованы, и обнаружено, что они неэффективны и никуда не ведут» [Там же]. Р. Скидельски осознал ошибочность своих прежних взглядов: сегодня «любому мыслящему человеку трудно поверить» в прогнозы глобалистов. Правда состоит в том, что глобализация пошла на попятную, наблюдаются кризис и крушение западной цивилизации.

В этой ситуации мы, пишет он, пытаемся обнаружить альтернативные модели. Одно из препятствий на этом пути – убежденность Запада в том, что западные ценности должны доминировать и что Запад не будет в безопасности, пока остальной мир не воспримет эти ценности. Это фактически западная идея о том, что мы здесь, на Западе, знаем, как нам развиваться, а вы только следуете за нами и должны нас догнать. Если вы этого не делаете, вы поступаете неверно. «Не существует единого пути, и история – это не линейный процесс, не вектор, ведущий к некоей всеобщей истине. Скорее, это несколько путей, которые дают шанс для межкультурного общения, экономического взаимодействия и мирного развития» [Там же].

Второй момент, требующий более глубокого осмысления, – неоднозначность архаизации.

Широко распространена интерпретация любых общественных изменений, направленных в сторону традиционализма, как социального эксперимента, дискредитирующего идею прогресса. Однако архаизация в идеологии и политике может быть по крайней мере двуликой. Доказательством тому может служить пример Исламской Республики Иран (ИРИ) и недавний приход к власти в Индии в 2014 г. партии радикального индуизма. Политика в ИРИ (особенно в период аятоллы Хомейни), как и в Индии при правительстве Нарендры Моди, несомненно, отличается ярко выраженной архаичностью. Об этом свидетельствуют их риторика и используемые методы.

Исламская революция в Иране была в значительной степени вызвана неприятием реформ, которые проводил последний шах из династии Пехлеви и которые получили название «Белая революция». Шахские реформы, направленные на проведение ускоренными темпами модернизации по западной модели, вызвали ответную реакцию традиционного общества на модернизацию, не учитывающую национальные традиции иранцев.

Думается, что помимо указанной всеми отмечаемой цели была и другая, более масштабная и глобально значимая. Иранская революция была протестной по отношению к сложившемуся двухполярному мировому порядку, где, по словам аятоллы Хомейни, «наибольшее зло» представлял капиталистический мир, возглавляемый США, а «меньшее зло» – социалистический лагерь, ведомый СССР. Лидеры революции видели своей целью разрушение установившегося мирового порядка и создание нового полюса власти, опирающегося на исламские нормы и ценности. Красноречиво в этом смысле заявление Хомейни о том, что для того чтобы обеспечить единство мусульманского народа и освободить исламское отечество от господства и влияния империалистов, есть только один путь. Это создание подлинно исламского правительства, свержение других тиранических псевдомусульманских правительств, навязанных из-за рубежа, а после достижения этой цели – установление исламского правления во всемирном масштабе.

При всех изменениях, происшедших в Иране со времен революции, духовное руководство страны продолжает призывать (в частности, в лице *рахбара*) к «культурному джихаду», означающему продвижение по пути научно-технологического прогресса при сохранении и развитии культурного наследия страны. Руководитель и духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи на состоявшейся 3 июля 2016 г. в Тегеране встрече со студентами заявил, что «те, кто убеждены в том, что для своего развития Ирану нужно опираться на Запад, совсем потеряли разум. Я считаю своим моральным и религиозным долгом сопротивляться этому и буду делать это до последнего вздоха» [Хаменеи].

Сама идея построения исламского государства с соответствующими шариатскими моральными установками, политическими институтами и даже экономикой представлялась сторонним наблюдателям признаком желания повернуть историю Ирана вспять. Однако если проследить ход событий и общественных перемен, последовавших за революцией, то становится очевидным, что внешние наблюдатели упрощенно объясняли суть происшедшего в Иране.

В ходе реализации теории «исламского правления» встал вопрос о применении на практике положений исламской экономики. Поскольку в трудах имама Хомейни содержалось не так много экономических положений, в качестве идеологической основы для проведения реформ по исламизации была взят концепт «тоухидной экономики».

По мнению авторитетного российского исламоведа Р. И. Беккина [2012], теория «тоухидной экономики» зародилась за 40 лет до Иранской революции. Датой ее «рождения» следует считать 1947 г., когда были опубликованы несколько исследований, в которых излагался взгляд на идеальную систему, соответствующую требованиям шариата: «Исламская экономика» Саййида Маназира Мухаммада ал-Гилани, «Экономика ислама» Махмуда Ахмада и «Ислам и экономические установления» Мухаммада Газали. Термин «исламская экономика» окончательно утвердился в научной литературе с середины 1970-х гг. Среди первых авторов, писавших об исламской экономической модели, большинство было мусульманскими правоведами. В ряду ученых-шиитов выделяется фигура выдающегося ученого Мухаммада Бакира ас-Садра. Его фундаментальный труд «Наша экономика» («Иктисадуна»), написанный в 1960–1961 гг., – одна из первых попыток глубокого осмысления экономического развития общества в согласии с принципами шариата.

Обращение к идее построения «исламской экономики» не было одним только выражением верности своему вероучению. За этим стояли другие – не менее, а может быть, даже более важные причины. Во-первых, определить выбор Ирана не как модернизацию, предполагающую восприятие западной модели, а как **развитие**, предполагающее проведение социальной политики, ориентированной на поддержание малоимущих слоев населения; создание условий для развития малого и среднего бизнеса.

Примечательно, что новое радикальное индусское правительство Индии также сделало «Развитие» девизом своего политического курса, который был противопоставлен лозунгу правившего со времени обретения Индией независимости 1947 г. Индийского национального конгресса – «Равенство». Н. Моди и его партия желали подчеркнуть, что они не подвержены каким-либо влияниям извне. Их курс не на модернизацию, которая привела бы Индию в соответствие с ценностями и институтами Запада. У Индии свое видение будущего, свой курс развития и способы его реализации. Помните, заявляет Н. Моди, что вы индийцы, и идите вперед, следуя индийскому пути, находите способы обновить ваше прошлое по мере того, как учитесь новому [Marino 2014: 214].

Смысл, вкладываемый в концепт «Развитие» в Иране и Индии, не идентичен^{***}. Но в чем проявляется полное сходство, так это в использовании традиционных религиозных принципов, понятий, терминов для этической мотивации массовой поддержки власти: народ должен верить, что новая политика добродетельна по своей сути и соответствует его интересам (вспомним, как много внимания этому уделено в работах М. Вебера).

Иранская практика хорошо известна. Приведу примеры из современной Индии, чтобы было понятно, о чем идет речь.

Краеугольным камнем национальной политики Республики Индия со времени ее создания в 1947 г. был официально провозглашен секуляризм. Конституционный секуляризм предусматривал право на свободу вероисповедания, защиту от религиозной дискриминации, создание светского государства, являющегося нейтральным в отношении оказания помощи всем религиям и принятия их без дискриминации.

Тем не менее на протяжении почти шести десятилетий в Индии сохранялись сторонники индусского радикализма, предполагающего вытеснение других религий из региона, отправной точкой которого является доктрина *хиндута*. Ее идеолог М. С. Голвалкар открыто выражал ненависть к религиозным меньшинствам, прежде всего к мусульманам. Он восхищался этнической чисткой, которую проводил Гитлер. Вот его дословные слова: «Во имя поддержания чистоты расы и своей культуры Германия потрясла мир очищением страны от семитской расы – евреев... Германия проявила расовую гордость в ее высшем проявлении. ...Она также показала, как практически невозможно расам и культурам, имеющим разные корни, быть ассимилированными в одно единое целое. Это хороший урок для нас в Индии, мы должны учесть его и извлечь из него пользу» [Golwalkar 1939: 35–43].

^{***} В Индии противопоставление конгрессиистскому лозунгу «Равенство» лозунга «Развитие» имело целью не допустить ущемления интересов наиболее имущих, а потому и обладающих властью слоев населения, не желавших «делиться пирогом национального достоинства» с представителями более низких каст, тем более с внекастовыми индусами – неприкасаемыми, а также с представителями неиндуистских конфессий – мусульманами и христианами.

Если официально светское государственное устройство Индии базируется на принципе отсутствия полновластия какой-либо из конфессий, на равноудаленности всех общин от власти, то хиндутва отвергает этот принцип в пользу индусского большинства страны.

Партиям, придерживающимся идеологии хиндутвы, удавалось дважды войти в коалиционные правительства Индии (в 1977–1980 и 1998–2004 гг.). Тем не менее было невероятно представить, что спустя более полувека после обретения Индией независимости федеральное правительство в стране будет сформировано на однопартийных началах представителями индусского радикального «национализма», приведшего к убийству Махатмы Ганди.

Приход к власти в 2014 г. нового премьер-министра Нарендры Моди многими как в самой Индии, так и за ее границами воспринимается как знак отказа от политического курса десятилетиями находившегося у власти Индийского национального конгресса (ИНК). По крайней мере два фактора дают основания для тревожных ожиданий. Во-первых, теснейшая связь Н. Моди на протяжении всей жизни с индускими националистическими организациями, его абсолютная лояльность к их политике и практическим действиям. Во-вторых, политика Н. Моди, которую он проводил в течение 12 лет пребывания на посту премьер-министра штата Гуджарат, где начало его было ознаменовано кровавыми погромами. В результате столкновений погибло 1028 человек (из них мусульман – 754, индусов – 274). Моди стали называть «апостолом хиндутвы», «гуджаратским Гитлером», «палачом» [Desai 2014].

Для того чтобы усилить свои позиции, Моди занялся консолидацией индуских националистов посредством проведения *ятр* – массовых паломничеств к святым местам, сопровождаемых процессиями из колесниц, везущих изображения тех или иных индуистских богов.

Для получения массовой поддержки экономической программы Н. Моди представил ее как *панчамрит*, то есть пять элементов, входящих в ежедневную *пуджу* – молитву индусов. К разряду *мрут* относятся: *даху* (кислое молоко, напоминающее мацони), *гхи* (топленое масло), мед и сахар. В программе развития этим «пяти нектарам» *пуджи* соответствуют *джал шакти* – водные ресурсы; *урджа шакти* – энергетические ресурсы; *джан шакти* – человеческие ресурсы; *гьян шакти* – сила знания, образование; *ракша шакти* – безопасность, охрана. Пять «нектаров пуджи» представлены, таким образом, как пять видов *шакти*. Шакти – это священные силы, персонифицированные женскими божествами, «супругами» мужских божеств. Пятью шакти – столпами политики развития названы: вода, энергия, люди, образование и безопасность. Это опоры фундамента, на котором может развиваться страна [Marino 2014: 195–196]. Н. Моди постоянно искусно использует психологию простых людей: формулирует экономическую программу в привычных для индусов понятиях и символах.

Поразительно расхождение между экономическим курсом и официально проводимой идеологией. В экономике поставлена задача ускорения развития, позволяющего выйти на самые передовые позиции в мировой экономике, в идеологии – активной архаизации, игнорирования современных ценностей и институтов, которые принято считать исключительно западными.

Нарендра Моди говорит, что его цель – добиться сплочения индийцев, создания монолитного государства. Однако при этом он применяет методы и использует

ет лозунги, которые направлены на воссоздание архаичного индуистского общества с характерным для него кастовым строем и религиозным шовинизмом. Его цель – провести ускоренными темпами модернизацию, по модели соответствующую индийским (индуистским) традициям, не смущаясь авторитарностью политического режима.

Плюрализм типов модернизации подразумевает поиск национальных моделей, а это, в свою очередь, делает фактически неизбежным обращение к архаике. Архаика архаике рознь: наряду с архаикой внешней, подражательной, возможно и реальное включение ее элементов в идеологию, политические, социальные и даже экономические проекты.

Ни исламизация экономики в Иране, ни индуизация (идеология *хиндута*) ее в Индии не стали непреодолимым препятствием на пути социально-экономического развития. Согласно ведущим отечественным экспертам-иранистам [Мамедова 2014], из трех возможных сценариев развития Ирана до 2050 г. наименее вероятным (9,4 %) представляется «эрозия» идеологической и религиозной составляющей существующей политической системы вплоть до возвращения исламского Ирана к статусу вестернизированного государства.

Маловероятен (19,4 %) вариант сохранения «исламского Ирана». Наиболее перспективным считается третий сценарий – «Модернизация в условиях исламского государства».

Примеры Ирана и Индии позволяют предположить, что архаика выступает не как самоцель, а как мобилизационная сила в проведении модернизации без утраты национальной идентичности. Возможные результаты могут быть как положительными (рывок в ускорении экономического роста), так и отрицательными – достижение экономической мощи за счет утверждения жесткого политического режима, опирающегося на религиозный национализм. На это обращают внимание многочисленные критики Н. Моди [Elliott; Mander; Varma].

Далеко не всегда идеологический архаизм, выполняющий мобилизационную роль, как это наблюдалось, например, в гандизме, оказывает позитивное влияние. Часто наблюдается прямо противоположный эффект – разогрев националистических страстей до градуса шовинизма (нацизм, террористический исламизм, индуистский национализм и др.). Архаизация экономики может оказаться реальным препятствием на пути внедрения новых способов производства, технологий и т. п. Архаизм в политике грозит утверждением диктаторских режимов. Новейшая история знает немало примеров авторитарной модернизации: Бразилия, Аргентина, Уругвай, Чили, Греция, Индонезия, Тайвань, Южная Корея, Сингапур.

Желание создать новый мировой порядок не по нынешнему глобалистскому сценарию, а с учетом национальных интересов, культурных традиций и потенциалов к развитию и инновациям может быть воплощено в жизнь. Для того чтобы проект, кажущийся утопией, стал реальностью, не требуется «разрушить мир до основания, а потом построить новый мир». Для этого может быть достаточно объединения усилий, в результате которого появилась бы философия глобализма, позволяющая охватить **прошлое, настоящее и будущее** планеты.

Литература

Беккин Р. И. Тоухидная экономика как разновидность исламской экономической модели // Проблемы современной экономики. 2012. № 2(42). С. 448–450.

Мамедова Н. М. Возможные сценарии развития Ирана до 2050 г. [Электронный ресурс] : Восточная аналитика. 2014. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-stsenarii-razvitiya-irana-do-2050>.

Скидельски Р. Перспективы глобализации и демократии [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Perpektivy-globalizatsii-i-demokratii-18201> (дата обращения: 07.06.2016).

Хаменеи А.: Иран отказывается сотрудничать с США по Сирии // Нью Информ: [сайт]. URL: <http://newinform.com/17147-ali-hamenei-iran-otkazyvaetsya-sotrudnicat-s-ssha-po-sirii> (дата обращения: 03.07.2016).

Desai R. A. Latter-day Fascism? // Economic & Political Weekly. 2014. Vol. XLIX. No. 35. Pp. 48–58.

Elliott J. In India, Intolerance Undermines Modi's Reforms [Электронный ресурс]. URL: <http://europe.newsweek.com/intolerance-despotism-undermine-modi-reforms-440603?tm=eu> (дата обращения: 27.03.2016).

Golwalkar M. S. We, or Our Nationhood Defined. Nagpur : Bharat Publications. 1939.

Marino A. Narendra Modi. A Political Biography. New Delhi : Harper Collins Publishers, 2014.

Mander N. Why are Indian Students Angry? [Электронный ресурс] : Hindustan Times. URL: <http://www.hindustantimes.com/columns/why-are-indian-students-angry/story-c5NFfCdIPhmTFyRiONpfdI.html23> (дата обращения: April 2016).

Varma P. K. BJP and the Middle Class: Patriotic Slogans Cannot Take the Place of Effective Governance [Электронный ресурс] : The Times of India. URL: <http://blogs.timesofindia.indiatimes.com/toi-edit-page/bjp-and-the-middle-class-patriotic-slogans-cannot-take-the-place-of-effective-governance/> (дата обращения: 9.04.2016).